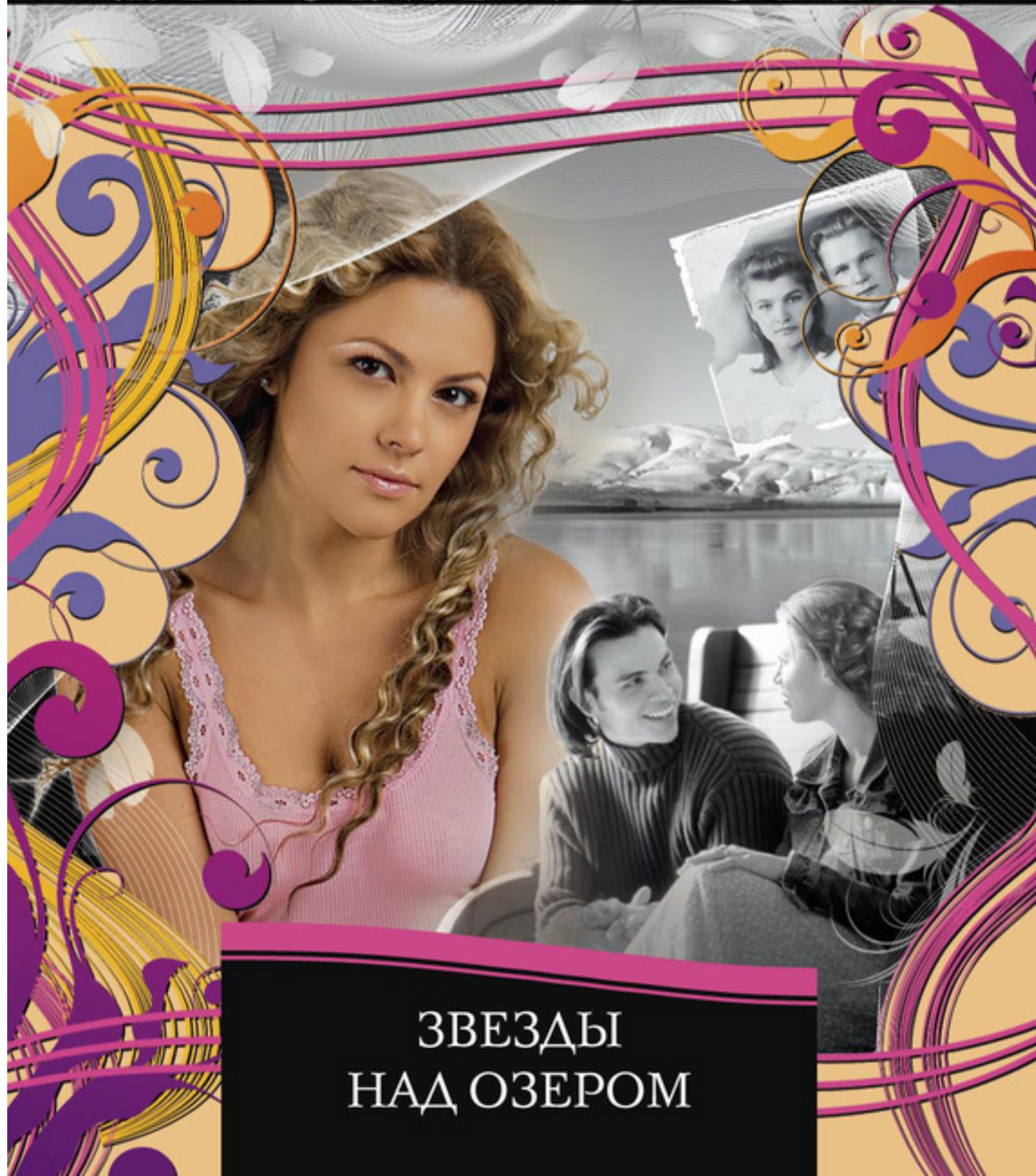


Ирина ЛАЗАРЕВА

* ЖЕНСКИЕ ИСТОРИИ *



ЗВЕЗДЫ
НАД ОЗЕРОМ

Ирина Лазарева
Звезды над озером

«Ирина Лазарева»

2012

Лазарева И. А.

Звезды над озером / И. А. Лазарева — «Ирина Лазарева», 2012

ISBN 978-5-227-03646-9

Некоторые брошенные мужчины мечтают хоть каким-то способом взять реванш – например, испортить отношения своей девушки с новым парнем. Так чуть не произошло с Катей Полуяновой, которая увлеклась героем своего журналистского расследования. Неожиданно задание редакции приобрело личный характер, и каково же было изумление Кати, когда обнаружилось, что прошлое семьи ее нынешнего бойфренда Жени Смурова неразрывно связано с ее родней. Так дружба трех молодых мужчин, в которой были верность и предательство, большая любовь и беспощадная война, переплела судьбы их потомков.

ISBN 978-5-227-03646-9

© Лазарева И. А., 2012

© Ирина Лазарева, 2012

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Ирина Лазарева

Звезды над озером

Пролог

Я люблю летать самолетами. С тех пор как я избрала профессию журналистки, летать мне приходится довольно часто, в разные города, иногда за границу. Наверное, многие привыкают к частым перелетам и начинают тяготиться аэропортами, получением багажа, проверкой паспортов, а то еще вдруг задержат рейс, сиди жди тогда... На такие случаи у меня имеется с собой какой-нибудь крутой ужастик – особенно люблю Кинга, – а в зале ожидания можно отключиться от внешнего мира и читать, читать без помех, пока не объявят посадку.

Или можно наблюдать сквозь широкие панорамные стекла за самолетами на летном поле, как они приземляются и бегут по взлетно-посадочной полосе, еще окутанные клочьями разорванных облаков, охолодевшие в небесной синеве, и, умерив наконец после стремительного полета свои силы, медленно заворачивают на стоянку. Они кажутся гордыми, независимыми существами, которые с толком выполняют свое дело и лишь хотят, чтобы им не мешали.

Сейчас я сижу в салоне аэробуса, он носит имя композитора Арама Хачатуряна и держит свой путь в столицу Армении Ереван.

Вылетела я из Санкт-Петербурга, своего родного любимого города. Я живу на Васильевском острове с мамой, папой и младшим братом.

Зовут меня Катя Полуянова, мне двадцать четыре года, я начинающая журналистка, ничего выдающегося пока не написала, но стараюсь, работаю над собой, чтобы стать хорошим профессионалом. Нынешнее мое путешествие тоже связано с заданием редакции, хотя постепенно служебное расследование приобрело для меня черты личного характера, оказалось тесно переплетенным с моей собственной жизнью.

Попробую рассказать все по порядку.

У меня есть брат Дима, он еще студент, имеет множество юношеских увлечений, но самое постоянное и любимое его занятие – коллекционирование значков, медалей, орденов.

Я, по правде сказать, не перестаю удивляться его приверженности фалеристике, почему-то она ассоциируется у меня с советским периодом. Сейчас молодежь больше увлекается тем, что связано с высокими технологиями. Как странно порой выпадают знаки судьбы. Началось все с братишки, который ни сном ни духом о войне, но положил начало моему волнующему путешествию в военное прошлое двух петербургских семей.

Однажды Димон принес домой орден Красного Знамени и заявил, что получил его в подарок от незнакомого молодого человека, с которым оказался в одной компании на вечеринке у друзей. Случайного дарителя звали Евгений.

Во мне немедленно разыгрался дух исследователя, и я решила проявить инициативу: узнать судьбу хозяина ордена, выяснить, почему высокая награда, полученная на войне, столь мало ценима его потомком.

Как выяснилось позже, Евгений подарил первому встречному орден своего деда, полученный во время Великой Отечественной войны. Дед давно умер, но в семье память о нем пытались искоренить и наград его хранить не хотели: он был офицером Смерша, для матери Евгения – из числа тех негодяев и преступников, что расправились с ее родными, уничтожили всю ее семью.

Все это я выяснила у самого Евгения, познакомилась с ним правдами-неправдами, чтобы расследовать историю ордена. Я хитро втерлась к нему в доверие и даже попыталась очаровать. Представьте, мне это удалось. Да нет, не думайте, что я какая-то распушенная девица, всего

лишь пустила в ход обычное женское кокетство. И на тебе! Попалась в собственную ловушку. Пока копалась в его родословной, успела влюбиться в обаятельного рослого парня. Ох!.. Много всего произошло.

Сейчас он сидит в соседнем кресле, голова Жени покоится на моем плече, он признался, что его укачивает в самолете и поэтому ему придется вздремнуть самую малость. Он извинился таким образом, чтобы я не обижалась, но мне все равно, бодрствует он или спит, лишь бы был рядом.

Начало нашего романа было бурным и непредсказуемым. Я и сейчас еще ни в чем не уверена, ведь если подсчитать наши встречи, то получается, что срок знакомства слишком ничтожен для серьезных отношений. Наверное, мы еще мало знаем друг друга, оттого едва не расстались, когда Женя выяснил, что я познакомилась с ним, преследуя свои профессиональные цели.

Ему сообщил об этом мой бывший бойфренд Даниил; он опытный журналист и был прекрасно осведомлен о теме моего расследования. Мы работаем с ним вместе в одной редакции популярного газетного издания. В тот день, когда я обсуждала с главным редактором свое намерение отыскать хозяина ордена, Даниил присутствовал при разговоре. Некоторые брошенные мужчины мечтают хоть каким-то способом взять реванш – например, испортить тебе отношения с новым парнем. Даниил в этом весьма преуспел: разоблачил подлую интриганку – меня то есть, – доказал Жене, что я карьеристка, которая решила нажиться на фактах частной жизни его семьи.

Из-за вмешательства Даниила я чуть не потеряла Женю, он почувствовал себя оскорбленным и надолго исчез, не хотел со мной общаться. Я чуть не умерла от горя, проклиная мерзкого негодяя Даньку. Он так убедительно все представил, что даже оправдаться было невозможно.

Только недаром я полюбила Женю, он большой умница, самостоятельно во всем разобрался и нагнал меня буквально в самолете. Я, зареванная, с гвоздем в сердце, с навек загубленной судьбой, поворачиваю голову к приставале в соседнем кресле и вижу своего единственно дорогого человека!

Нет, неспроста я люблю самолеты. В ушах моих звучит адажио из балета «Спартак» в соответствии с названием лайнера. Он не летит, а кружит в небе под звуки завораживающей музыки.

Итак, мы снова вместе. Нам надо расследовать все обстоятельства, связанные с дедом Евгения, Кириллом Смуровым, узнать, за что он получил орден, без сожаления отданный внуком; для этого мы направляемся в Армению, где живет моя бабушка Настя в семье своей старшей дочери Лии. Уроженка Ладоги, годы войны она провела на Дороге жизни, где познакомилась со своим будущим мужем и моим дедом Вазгеном Арояном, его другом Алексеем Вересовым и офицером Особого отдела Кириллом Смуровым.

Глава 1

Ереван, 2008 год

Кто не бывал в Армении, тот не видел настоящего горного солнца. Здесь солнечный свет особенный, уж поверьте, я успела побывать и в южных и в жарких странах, и нигде нет такой световой насыщенности воздуха, как в Армении. С чем можно сравнить это особенное слепящее сияние? Может быть, с мириадами драгоценных кристаллов, играющих гранями и яркими лучиками, – они пересекаются и создают световую вакханалию – ту, что зовется воздухом Армении. Ходить здесь без темных очков нереально, но я предпочитаю морщиться и гримасничать, как мартышка, потому что не воспринимаю окружающий мир через черные стекла. Женя, не в пример мне, сразу же водружает на нос солнечные очки с обстоятельной русской рассудительностью. В аэропорту он выделяется ростом и спокойствием, местные жители более суетливые и шумные, но по сравнению с петербуржцами в них больше добродушия и непосредственности.

Давненько я сюда не приезжала. Аэропорт Звартноц обзавелся новым ультрасовременным терминалом, меня приятно поразило, как быстро мы прошли паспортный контроль, и чемоданы приплыли немедленно к нам в руки. Меня все радует – эта новизна просторных залов, блеск отделочного камня, металлических деталей, приветливые личики девушек-служащих, одетых в униформу. Все волшебное, прекрасно, потому что я путешествую с Женей. Непривычное для меня состояние, пока невероятно счастливое.

Мы выходим в зал прибытия, где меня хватают, чмокают в щеки и передают из одних объятий в другие – это муж тети Лии Сурен Акопович, а также моя двоюродная сестра Нушик и мой двоюродный брат Аршак. Знакомлю их с Женей.

Он хлопает глазами и с заметным усилием пытается запомнить непривычные для русского слуха имена, жмет протянутые руки; затем нас ведут по длинному проходу к стоянке автомобилей. Мы втискиваемся впятером в старенький жигуль (мать честная! из какого века данное ископаемое?) и скатываемся на этой таратайке на шоссе, ведущее в город. Кондиционера в машине, естественно, нет, стекла опущены, горячий ветер дует в лицо, но даже жаркий воздух сохраняет свою особенную горную чистоту, а на горизонте вздымается двумя заснеженными горами величественный Арагат.

Трасса вполне свободна, мы едем без задержек, вдоль дороги тянутся низкорослые домики, потом целая сеть мебельных магазинов – товар выставлен прямо на тротуарах, мелькают разноцветные обивки диванов, кресел, стульев; у магазинов группками сидят продавцы.

– Как бабушка? – обращаюсь к Нушик.

Моя кузина, в отличие от меня, обладает более светлыми волосами – они у нее темно-русые с рыжиной, густые и выющиеся; глаза серые, вы подумайте! Во мне проявилась армянская кровь – каштановые волосы, карие глаза, – а в ней русская, иначе откуда такие светлые глаза? Чего только природа не вытворяет! Вот Аршак больше похож на своих соплеменников – черноволосый и темноглазый, – хотя армяне все как один уверяют, что их далекие предки обладали светлыми волосами и голубыми глазами.

– Слегла бабуля, – отвечает на мой вопрос Нушик. – То ли погода действует, то ли перелетела из-за вашего приезда. Давление поднялось, и сердце барахлит. Так что ты не особо на нее насакивай.

Мы проезжаем по мосту через глубокое ущелье реки Раздан. Над скалистым обрывом живописно вырисовывается храм Сурб Саргис, в переводе на русский – Святого Сергия. Я обращаю на него внимание Жени – армянские церкви интересны своей строгой красотой, четкостью линий, они в основном построены из туфа, отделаны декором, резьбой по камню, искусной работой средневековых скульпторов.

– А что означает имя Нушик? – спрашивает Женя и с любопытством оглядывается на сестру с переднего сиденья.

Если честно, я ощущаю укол ревности, но отвечаю фальшиво-оживленным тоном:

– Нуш по-армянски – миндаль.

– Красиво, – протягивает Евгений и замолкает. Смотрит перед собой, на незнакомый город, в котором я намереваюсь провести множество счастливых часов.

Наша скрипучая раздолбайка пилит в гору, взбирается вверх по дороге, ведущей в Канакер. Так называется один из районов Еревана, где еще сохранились собственные дома с плодовыми садами. Когда-то такие небольшие участки были в самом центре, но постепенно строительство высоток захватило абрикосовые, персиковые, тутовые владения, вытеснило цветение, сладкий запах вызревающих на солнце фруктов, нашлепало многоквартирные дома, под стенами которых кое-где еще жмутся приземистые домики с бетонными крохотными дворами, с деревьями, закатанными в асфальт; что спасает их от гибели – непонятно, должно быть, лишь неистребимая тяга к жизни.

Семье тети Лии повезло: их район пока не тронули, сохранился и старый дом, в котором еще жили мои предки, и сад с разросшимися деревьями. Дом, конечно, обновлялся, надстраивался, особенно с тех пор, как тетя Лия вышла замуж. У Сурена Акоповича золотые руки. Живет семья скромно: Сурен Акопович – таксист, на этом ледащем жигуленке и работает. Говорит, скоро дадут другую машину, фирма закупает новые «Лады». Нушик работает кассиршей в большом супермаркете, хотя имеет высшее образование. Считается, что она хорошо устроилась: молодость и приятная внешность сыграли свою роль, а то бы и в супермаркет не попала. Аршак отслужил в армии, поступил в политехнический институт, по окончании устроился менеджером в магазин сантехники, работой не доволен, но терпит, так как ничего лучшего не предвидится.

Жарко. Евгений достает платок и вытирает лицо. Нам сказали, что во второй половине августа жара идет на спад, хорошо еще, что мы не приехали в июле.

Тем не менее, выйдя из машины у дома, я с блаженством втягиваю носом воздух. Это что-то неописуемое! Кругом сады, громадные тутовые деревья, абрикосовые, тоже на диво высокие и уже заскорузлые, бог знает, сколько им лет, но, как уверяет дядя Сурен, они до сих пор обильно плодоносят.

– Приехали бы пораньше, – продолжает он разговор. – Сейчас фрукты отошли, яблоки и груши только зреют, зато отведаете овощей. Не оскудела еще земля армянская, и воздух неплохой. Говорят, тутовое дерево легко гибнет в загрязненном воздухе и почве, а наши вон какие красавцы.

Мы идем сквозь сад к дому. Он одноэтажный, с мансардой, облицован красным туфом, от этого выглядит ярко и весело, перед входом – бетонная площадка с навесом. Здесь стоит большой обеденный стол, уже уставленный холодными закусками и салатами. Пучки свежей зелени лежат на тарелках рядом с нарезанным крупными кусками овечьим сыром. Из распахнутой входной двери тянет ароматом какого-то невообразимо вкусного варева.

От этого зрелища и запаха у меня текут слюнки, думаю, то же самое испытывает Женя. Молчун мой пока вопросов не задает, осматривается с видом человека, попавшего в незнакомое место.

Из дверей выбегает тетя Лия, обнимает меня, целует, знакомится с Женей, что-то квохчет, куда-то меня тащит, машет на нас руками, когда я спрашиваю о бабушке:

– Позже, позже, она недавно заснула, ждала-ждала и утомилась, пусть поспит, успеешь с ней наговориться. Аршак-джан, отнеси чемоданы наверх и гостей проводи.

Нам предоставляют возможность обосноваться в двух комнатках под крышей, переодеться, умыться, потом мы снова спускаемся вниз.

– Бабуля проснулась, – сообщает тетя Лия. – Хочет вас видеть. Только вы с ней поосторожнее, приболела она у нас, стара мать стала, в чем только душа держится.

Бабушка сидит в кресле-каталке; не то чтобы она не могла ходить, но иногда ей так удобнее, особенно в минуты слабости или нездоровья.

Она протягивает ко мне руки, но смотрит на Женю, пока мы с ней обнимаемся.

– Это он? Да, вижу, что он. Похож на Кирилла. Какое счастье, что природа хранит черты давно умершего человека, не дает ему исчезнуть бесследно. Знаешь, детка, я всегда чувствовала, что во мне живут мои родители. Это трудно объяснить, и это ощущаешь только после их смерти.

Я тихонько подталкиваю Женю к бабушке, он садится на стул рядом с ней.

– Спасибо, что приехал, сынок. Ты для меня как доказательство жизни. Я так рада тебя видеть! В старости прошлое становится ярким и навязчивым, всплывают даже незначительные детали. А что было вчера – не помню. – Она смеется и кладет сухую ладошку на Женино запястье.

И он накрывает ее своей рукой!

Я-то думала, что ему неловко, что он боится разговора, что тема ему все еще неприятна... А теперь представьте картинку: молодой здоровый мужчина, кровь с молоком, и маленькая старушка – лицом к лицу, взявшись за руки, с улыбкой, предназначенной друг другу; они как будто на миг остались одни и, готова поклясться, понимают что-то мне и другим недоступное, известное только им двоим, словно появился у них сразу тайный сговор.

Нас приглашают к столу. Тетя Лия выносит глубокое блюдо с аджап-сандалом, тем самым, что распространял нестерпимый для желудка аромат, сам вид его – настоящий праздник для гурмана. Я запускаю ложку в маслянистую жаркую смесь печеных овощей, мяса, зелени, лука и первым делом накладываю побольше Жене. Он следит за половником, смотрит на растущую горку в своей тарелке и меня не останавливает. Когда мужчина долго живет один и не знает домашней кухни, такой взгляд несложно объяснить.

Только вечером нам удастся наконец поговорить с бабушкой по интересующему вопросу.

– Много рассказывать не буду, – говорит она, – дам вам свои тетради, почитайте. Но прежде хочу сказать тебе, Женя, ты дедушку своего строго не суди. Времена были тогда тяжелые, смутные. Это сейчас все стали умные и справедливые, все по полкам раскладывают, решают, кто прав, кто виноват, а в то время люди с именем Сталина на смерть шли с полной искренностью в сердце. Вашему поколению этого вовсе не понять. А Кирилл... да, запутался, много ошибок наделал в жизни. Он все к Алеше Вересову тянулся, с детства еще, а уж позже, когда стал osobистом и перестал доверять даже собственной тени, только у него одного правды искал. Алеше он верил безоговорочно. Наверное, человек не может жить как волк, есть у него потребность кому-то довериться, попытаться с чужой помощью в себе разобраться.

Вы уж простите, что я о личном, в военное время личное остается не менее важным, чем общее огромное несчастье, каким для всех нас была война. У многих была задача выжить, но нам повезло, мы не голодали, как ленинградцы, хоть и содрогались от бомбежек, работали на износ и могли быть убитыми в любую минуту, но в часы передышек мы жили как обычные люди – заботами, чувствами, желаниями.

С Вазгеном, моим мужем, Кирилл Смулов не ладил: когда-то, еще в годы учебы в военно-морском училище, Вазген уличил сокурсника в доносительстве начальству. Да, был за Кириллом такой грех, страшно он тогда оступился и лишился дружбы Алексея. Так и разошлись их пути: Вазген и Алексей со временем стали командовать кораблями, а Смулов оказался на службе в Особом отделе. Долгое время друзья не видели Смулова и не вспоминали о нем, пока война не свела их в октябре сорок первого на Ладоге.

Однажды, совершенно случайно, у меня с Кириллом состоялся душевный разговор. Я служила писарем при гидроузле, а он был офицером Особого отдела. Особистов все боялись и по возможности старались обходить стороной. Я его тоже страшно боялась: никогда не знаешь, что от него ждать. Он вошел, а я глаза не решаюсь поднять, сижу ни жива ни мертва. До этого был уже прецедент – решил он арестовать Вазгена по ложному обвинению, но Алексей заступился за друга, хотел даже взять мнимую вину на себя. Тем и спас обоих – Смуров испугался за Алексея, что тот сгоряча оговорит себя, и отпустил друзей с миром.

Почему он выбрал меня для исповеди, я тогда не поняла. Скорее всего, ему просто не с кем было поделиться и он поддался внезапному порыву. Но я отнеслась к нему с состраданием, почувствовала – есть в нем цельное зерно, стремление к справедливости и самоуважению.

По молодости я была простушкой и максималисткой, что думала, то и говорила. Взяла и высказала ему в лицо, что он на самом деле эгоист, в первую очередь о себе печется – и в любви, и в дружбе, оттого и остался один.

Знаешь, Катюша, иногда нам кажется, что есть очевидные истины, о которых даже не стоит говорить, все и так знают. Но этот замкнутый и успевший ожесточиться человек простых вещей для себя, как выяснилось, не осознал, и мои слова его поразили. Это было видно по его реакции.

А на следующий день «морской охотник» Алексея Вересова отправился на боевое задание. Путь корабля лежал на маленький остров в северной части Ладоги. Надо было произвести разведку на вражеской территории и захватить языка. Вазгену в тот день приказали как гидрографа провести судно сквозь шхеры; там же, на борту, оказался Смуров – накануне Алексей предложил ему отправиться вместе с ним в плавание. Все-таки повлиял на Вересова мой рассказ. Проникнувшись жалостью к Смурову, я обвинила Алексея в черствости и равнодушии. Мне, чисто по-женски, по-девичьи, хотелось помирить бывших друзей. Я всюду совалась со своей наивностью и верой в чистую дружбу, совершенно не разбираясь в мужчинах, в их поведении и жестоких реалиях военной службы.

Самое смешное, что мое глупенькое стремление подвинуть всех и вся на братскую любовь оказалось для меня же спасительным.

Это была страшная история: на острове завязалась перестрелка, несколько матросов были ранены; тяжело пострадал Вазген, пытаюсь их спасти.

Он без сознания лежал в зарослях, и его случайно нашел Смуров, он мог безнаказанно добить давнего обидчика – возможно, так бы и сделал, не будь нашего разговора, – но в тот день не поднялась у него рука на Вазгена. Вместо этого он позвал на помощь Алексея с командой. И уже позже, на судне, заставил умирающего бороться за жизнь весьма оригинальным способом: он пригрозил Вазгену, что займется его женой, сказал, что я ему нравлюсь. Для ревнивца, каким был мой муж, это было невыносимо, поэтому угроза ненавистного особиста действовала на него лучше всякого лекарства, пробудила в нем волю к жизни.

Бабушка умолкает и смотрит перед собой неподвижным взглядом, глаза ее как размытая слюда, растерявшая некогда яркую голубизну.

– Долго рассказывать, открой-ка вон тот ящик, Женечка. Видишь серую тетрадь? Там все подробно написано. Вы читайте пока, а завтра еще поговорим. Устала, надо прилечь. Может, мои ребятушки дорогие под разговор и приснятся.

Глава 2

1942 год

Настя сидела на песке у самой воды; вышла с ведром, чтобы не терять времени утром, когда надо торопиться на службу, и, по своему обыкновению, засиделась у темной глади озера. Стояла августовская светлая ночь. Настя с тревогой слушала ночную тишину, редкие гудки идущих к Осиновцу судов с грузом; они шли без огней и выплывали из мглы, как призраки-ски-талыцы из морских легенд. В опасном небе безмятежно мерцали звезды, круглый лик луны не омрачало ни единое облачко. Настя знала – в свете луны хорошо виден с воздуха кильватерный след судна. Где-то там, в недоброй дали, бесшумно крался катер во вражье гнездо к маленькому острову в прозрачном сумраке ночи, но как бы разведчик ни таился, с воздуха он был уязвим.

Насте мерещились быстрые крапинки огней, чудился едва слышный стрекот очередей, хотя она отлично понимала, что все это лишь ее воображение.

Надо бы лечь спать, чтобы встать с зарей, но сон не шел, в груди что-то сжималось от беспокойства, то отпускало, то накатывало в такт прибрежной волне.

Сейчас она была уже не рада тому обстоятельству, что Смуров отправился в плавание на одном корабле с Вазгеном. Настя не знала этого человека. Поддавшись внезапному состра-данию, она сказала ему несколько ободряющих слов, но ведь и его ответная реакция могла оказаться всего лишь случайным порывом. Что, если в нем снова разгорится злоба, обида за прошлые унижения, желание разделаться с давним врагом, кем он считал Вазгена.

Подожли Полина с Клавой, тоже набрать воды. Они жили в одной землянке. С Полиной Настя дружила, а Клаву одно время считала соперницей: когда-то у Вазгена была интрижка с этой красивой статной девушкой. Клава относилась к Насте со скрытой неприязнью, и Настя ее недолюбливала, но поскольку обе работали в гидроучастке, сохраняли нейтралитет.

Полина же вздыхала по Алексею Вересову. Настя лишь накануне узнала от мужа, что Полину и Алексея в недавнем прошлом связывали любовные отношения. Прекратились они по инициативе Алексея – он не захотел мириться с собственническими замашками и назойливой опекой Полины.

Скоро Клава начала зевать и, не дождавшись Полины, пошла укладываться спать. У подруг появилась возможность поговорить.

– Почему ты скрыла от меня, что у вас с Алешей был роман? – упрекнула Настя. – Вчера я попала из-за тебя в дурацкую ситуацию, чуть с Алешей не поссорилась, начала ему тебя нахва-ливать и сватать, а он решил, что мы с тобой сговорились. Хлопнул дверью и ушел. Правда, потом извинился, потому что Вазген за меня вступился. До сих пор, как вспомню, в жар бро-сает. Ты все еще любишь его?

Полина низко опустила голову и молчала некоторое время. Чуть ошутимый свежий вете-рок путался у нее в волосах и раскачивался на концах темных прядей.

– А ты как думаешь? – наконец с горечью отозвалась она. – Разве можно его не любить? Он ведь герой, смельчак, идеал! О таких, как он, слагают легенды. Только оказался ветреником, как все мужчины. Поиграл и бросил.

– Неправда! Алеша к тебе с душой относился. Мне Вазген все рассказал: ты третировала его, пыталась им командовать, была не в меру требовательна, его это начало злить. А у тебя не хватило такта вовремя остановиться. Сама же все испортила.

– Возможно! Но я хотела исправиться, а он не дал мне ни единого шанса. Ушел – как отрубил! – Последние слова Полина выкрикнула с отчаянием. – Ему всюду надо продемон-стрировать свою силу воли, раз решил, то ни шагу назад. А это, скажу тебе, не по-человечески. Ничего, судьба когда-нибудь накажет его за это!

– Молчи! – испугалась Настя. – Забыла, что они на задании? Накаркаешь еще! Ни слова больше, слушать не хочу! И так беспокойно, сердце заходится поминутно. Сегодня почему-то особенно тяжело.

Она встала, зачерпнула ведром озерной воды и пошла к земляночному городку, кренясь вбок, словно именно это ведро было непосильной ношей. Полина взялась за дужку с другой стороны.

О том, что на острове завязался бой и что Вазгена серьезно ранили, Настя узнала лишь во второй половине следующего дня. Эту нерадостную весть принес ей Кирилл Смуров.

* * *

Состояние раненых матросов оказалось менее тяжелым, чем Вазгена. Его немедленно прооперировали, извлекли из тела три пули, после чего положили в палату, где властвовала военврач, лейтенант медицинской службы Лежнёва, высокая молодая женщина в роговых очках, с бесследно убранными под колпак волосами. Вересова она, казалось, невзлюбила с первого взгляда и держалась с ним чрезвычайно официально и неприступно.

– К Арояну пока посетители не допускаются, – категорически заявила она.

– Когда же вы позволите его навестить? – сдержанно спросил Алексей.

– Приходите завтра, но я вам ничего не обещаю, кроме того, что жить Ароян будет. Сейчас вашему другу нужен покой, поэтому никаких посещений и разговоров.

– Скоро сюда приедет его жена, – настаивал Алексей. – Уверю вас, что ее присутствие благотворно скажется на его самочувствии.

– Ни жена, ни родственники, ни кто-либо другой! – отрезала Лежнёва, смерив Алексея высокомерным взглядом.

– Как вы, однако, строги. Вам бы кораблем командовать, – усмехнулся Алексей, начиная раздражаться непреклонностью этой женщины.

– Вы совершенно правы, товарищ Вересов, – отпарировала она, – в своей палате я командир, и все здесь должны подчиняться моим приказам. Вот вы, например, как поступите, если ваш матрос ослушается приказа командира? Трибунал! В лучшем случае спишете его с корабля. Я же могу списать больного только на тот свет. Так что выбора, как видите, у меня нет, а посему прошу вас не докучать мне пустыми просьбами! Меня больные ждут!

Отбрав Алексея столь бесцеремонным образом, докторша вздернула подбородок и с достоинством удалилась. Разозленный, Алексей мысленно послал ей вдогонку парочку нелестных эпитетов.

На другой день ему и Насте все же удалось повидаться с Вазгеном благодаря вмешательству Смурова. Сам Смуров в палату не вошел.

– Вряд ли твой друг мне обрадуется, – резонно заметил он, и Алексей был вынужден с ним согласиться.

Настя не подозревала, насколько тяжело ранен Вазген. Когда за ней пришел Смуров, она никак не могла этого предположить при виде его потеплевших глаз и несвойственного ему мягкого выражения лица. Она подивилась произошедшей в нем перемене, теперь он был даже по-своему красив. Узнав, что он приехал за ней по поручению Алексея, который прежде самого имени его не выносил, она сделала для себя соответствующие выводы.

Клава, выскочив из своего отдела, пристала к Насте с расспросами, пока та собиралась, приводила в порядок рабочий стол и прятала документы в сейф:

– Слушай, кто этот интересный мужчина, не познакомишь?

– Извини, Клава, мне сейчас не до этого. Вазген ранен, я еду в Новую Ладугу.

– Надеюсь, не серьезно? Ну смотри не забудь, а то вечно вокруг тебя вьются классные мужики, что Ароян, что Вересов, теперь еще этот, я его с тобой не первый раз вижу. Какая ты ловкачка оказалась – Ароян на себе женила и других приваживаешь.

– Дай мне пройти, – холодно оборвала ее Настя. – Я тебя обязательно с ним познакомлю, хотя бы для того, чтобы укоротить твой язык!

Клава оторопела: безропотная овца показала зубы, к чему бы это? Все ясно, а еще прикидывалась тихоней. Отбила у нее Вазгена, а теперь злится из-за посягательств на очередного поклонника. Вот хороший повод расправиться с этой выскочкой и раскрыть Вазгену глаза!

Когда Настя вошла в палату и увидела любимого с перевязанной грудью, забинтованной до плеча рукой, увидела пятна крови, проступившие в трех местах, ей сделалось дурно, она похолодела и ощутила дрожь в ногах.

– Алеша, что это? – пролепетала она, уцепившись за него. – Столько ран! Вы обманули меня.

– Не тревожьтесь, Настенька, раны не опасны. Доктора нам обещали, что все будет в порядке, он поправится. Держите себя в руках, ему сейчас нельзя волноваться.

Она села рядом с Вазгеном, который был бледен и слаб, и прижалась губами к его раненой руке, лежащей поверх одеяла. Они что-то говорили друг другу, несли всякую влюбленную чепуху. Вазген утешал ее и бодрился, не преминув предупредить, что оторвет башку каждому, кто посмеет ухаживать за Настей в его отсутствие. Алексей слушал их с улыбкой.

Спустя короткое время в палату заявила доктор Лежнёва.

– Свидание окончено! – непререкаемым тоном объявила она, словно посетители находились в тюрьме, а не в больнице. – Прошу посторонних очистить помещение.

– «Очистить помещение»! – передразнил Алексей, когда Лежнёва вышла. – Словно мы мусор какой-то. Генерал в юбке! Раскомандовалась. Терпеть не могу деспотичных женщин!

– Она не так плоха, как тебе кажется, – вступился за докторшу Вазген. – Ночью глаз не сомкнула, подходила ко мне каждые пять минут, да и остальных не обделила вниманием. Раненые ее уважают, говорят, что дело свое она знает крепко и носится со всеми, как родная мать. Скажу тебе, Алеша, служба у военврачей не легче нашей, а ведь тут не только действия, но и душа нужна, доброта для всех без исключения. Вот ты бы так смог?

– Вряд ли, я не врач, я воин. Мое дело врагов убивать без всякого сожаления... Что вы так смотрите на меня, Настя?

– Вы вовсе не так бездушны, как хотите показаться.

Вазген внезапно возмутился без всякой связи с темой их беседы: пора переходить на «ты», сколько можно, сказал он, будто не родные. И ему так будет приятнее. Настя и Алексей с готовностью откликнулись на предложение.

– Давно об этом мечтал, – подтвердил Алексей. Он со вздохом поднялся. – Что ж, придется уходить, раз нас выгоняют. Пошли, Настенька, завтра я сам тебя привезу.

Прежде чем покинуть госпиталь, Алексей подошел к Лежнёвой. Увидев его, она демонстративно уткнулась в историю болезни.

– Когда нам завтра можно прийти? – спросил он.

– Приходите в то же время, что и сегодня, и не натравливайте на меня особиста, я не из пугливых! – выдала докторша.

– О да! Робостью вы не отличаетесь, и вежливостью тоже, – нелюбезно согласился Алексей.

У нее на щеках выступил легкий румянец, она резко вскинула голову и разгневанно, в то же время с какой-то болью на него посмотрела. Он неожиданно впервые заметил, что глаза у нее под очками ярко-синие, опущенные черными, невероятно густыми ресницами, а брови темно-коричневые и бархатные, точно соболя шкурка. Что-то ощутимо кольнуло его в

сердце; он непонятно от чего пришел в замешательство, удивляясь самому себе, и торопливо ретировался.

Ему надо было выходить в море, идти в составе конвоя длинного «воза», поэтому Настю он снова поручил Смурову.

Их подвезли на бронекатере; на озере штормило, ветер высоко вздымал водяную пыль. Они сидели рядом на корме. Настя пыталась разговорить этого странного человека, заставить рассказать о случившемся на острове, но он все больше отмалчивался, отвечал только «да» и «нет», искоса, с вниманием на нее поглядывая; наконец качка, усталость и тревожения прожитого дня сморили Настю, веки ее начали слипаться, а голова клониться набок, прямо на плечо Смурову. Он не двигался и, казалось, с интересом наблюдал за тем, как нежная щека Насти опускается на влажное сукно его кителя, словно рассчитывал, что она, ощутив неудобство, проснется и ему не придется ее отстранять. Но когда она уютно пристроилась у него на плече и светлые пушистые волосы коснулись его лица, глаза у него сделались потрясенно счастливые; он осторожно взял ее бессильно поникшую маленькую руку, с минуту разглядывал, затем благоговейно прижал к губам и уже не выпускал из своей ладони до самого Осиновца.

Когда она проснулась, он сказал:

– Настя, у вас щека покраснела.

– Что же вы меня не разбудили?! – воскликнула она. – Неужели я проспала все это время на вашем плече? Ведь вам, наверное, было страшно неудобно.

– Напротив, мне было очень хорошо, – заверил он и улыбнулся по-доброму, исключая какую бы то ни было двусмысленность.

Она так же искренне улыбнулась в ответ.

Вечером Смуров с группой оперативников снова оказался на корабле Алексея. У контрразведки имелись данные о том, что немцы собираются забросить в советский тыл диверсантов.

Вылазки врага предпринимались часто, акции таких групп были типовыми: убийство старших офицеров, порча линий и узлов связи, выявление штабов, огневых точек и наведение на них бомбардировочной авиации, при возможности – и самостоятельное уничтожение.

Предполагалось, что неприятель высадит своих людей с какого-либо судна. Несколько дозорных катеров, в том числе Алексея, патрулировали водное пространство вблизи берегов.

Ночь выдалась темная, озеро было спокойно, но затягивалось рассеянным кисейным туманом, наплывающим вкрадчиво, с коварной медлительностью. Видимость была плохая, и все же сигнальщику удалось обнаружить итальянский малый торпедный катер, лежавший неподвижно, словно судно поджидало кого-то.

– Успели высадить, – сказал Алексей Смурову. – Забирать рассчитывают, скорее всего, на рассвете. Сейчас отправим вас на шлюпке к берегу, думаю, диверсанты не успели далеко уйти. А мы попробуем атаковать итальянца.

Шлюпка с оперативниками бесшумно отчалила от корабля и скоро скрылась в прибрежной дымке.

Алексей, выждав необходимое время, собрался открыть огонь по торпедному катеру, но MAS, словно почуяв что-то, дал ход. Нельзя было больше медлить. «Морской охотник» бросился в погоню, обстреливая судно, но безрезультатно: трудно попасть в темноте в несущийся на полной скорости катер.

– Эх, упустили, – посетовал Алексей. – Вернемся и поможем Смурову на суше, что скажешь, Воробьев?

– Не наше дело гоняться по лесам за диверсантами, Алексей Иванович, – возразил лейтенант, отличавшийся, несмотря на молодость, большей рассудительностью, нежели его коман-

дир, но тот, по-видимому, в советах помощника не нуждался и вопрос свой задал чисто риторически. Воробьев успел достаточно его изучить, и этот огонек неукротимого азарта в рысских вересовских глазах был хорошо ему знаком. – Как прикажете, только я пойду с вами, – вынужден был согласиться он.

– Нет! – отрезал упрямец. – Мне хватит двоих матросов. А ты смотри здесь в оба. Ночь еще не кончилась.

В лесу было сыро, мокрые ветви хлестали моряков по щекам. Алексею сразу удалось обнаружить у берега замаскированную ветками шляпку, на которой переправились с катера диверсанты. Это была удача. Примятая трава и отпечатки сапог местами на влажном грунте верно вели преследователей по следу.

Скоро Алексей понял, куда направилась вражеская группа – к расположению береговых батарей. Алексей насчитал троих лазутчиков, но сообразил, что отряд Смурова тоже вышел на диверсантов со стороны неглубокого оврага: как видно, оперативники с самого начала отклонились от правильного направления, но все же выследили вредителей.

Догадке немедленно последовало подтверждение: где-то совсем недалеко раздались автоматные очереди. Алексей с матросами поспешили на звуки выстрелов, но тут мелькнули тени в стороне среди деревьев – двое бежали через лес, уже не таясь, оборачиваясь и стреляя на ходу. Моряки бросились наперерез, но так, чтобы беглецы их не видели – обилие густых кустов служило хорошим прикрытием, – и, когда диверсанты подбежали достаточно близко, Алексей подкосил одного очередью по ногам, второй завертелся в поиске врага, пока не уперся затылком в дуло автомата.

– Бросай оружие! – скомандовал Алексей. – Ишь, поганцы, форму советскую нацепили. Что уставился? Хенде хох! А может, ты и по-русски понимаешь, гнида фашистская?

Пока вязали задержанного, подошли Смуров с группой. Они волокли под руки треть его диверсанта, тот был без сознания, его гимнастерка пропиталась кровью на боку.

– Хорошо сработали! – одобрил Смуров действия моряков. – Хоть одного невредимым доставим. Этот того и гляди подохнет.

Проку от него мало. Давай его в расход, – приказал он одному из своих подчиненных.

Тот, кого ранили в ноги, лежал на земле и стонал. Он вскрикнул от ужаса, когда рядом пристрелили товарища, стал ползти куда-то, упираясь в землю локтями.

Смуров пнул его сапогом:

– Куда намылился, фриц? По-русски шпрехаешь? Хотя вряд ли. Сколь в нашу форму ни рядись, а морда у тебя натурально нацистская.

Раненый вдруг перевернулся на спину, выхватил откуда-то финку и попытался ударить Смурова; удар мог прийтись в бедро, но тот успел перехватить руку, моментально завладел ножом и не раздумывая всадил лезвие по самую рукоять в грудь нападавшего. Парень судорожно вытянулся, потом обмяк и затих.

– Смотри-ка, отличная немецкая финка. – Смуров обтер кровь с лезвия листьями и показал Алексею. – Неплохой трофей, пригодится.

– Нам бы и фриц пригодился, – заметил Алексей. Он смотрел на Кирилла и невольно вспоминал нелепого, долговязого, одержимого комплексами подростка и думал о том, как порой неузнаваемо меняются люди.

– Хватит и одного, – спокойно возразил тот. – Не дергался бы, может, и остался бы жив.

Алексей сумел вырваться на берег только к вечеру следующего дня. Он едва держался на ногах: конвой попал в шторм, потом пришлось отстреливаться от «юнкерсов», как это случалось нередко; ночью в составе звена малых «морских охотников» на дальних подходах к острову Коневец преследовали и потопили самоходный паром «Зибель», днем разворошили

осиное гнездо – две финские батареи в устье реки Видлицы. Плыть за Настей нечего было и думать, поэтому он решил один сходить к Вазгену.

Время было позднее, пациенты в госпитале в большинстве своем уже спали. Вазген тем не менее бодрствовал и имел несчастный вид. Причин тому накопилось великое множество: боль, неподвижность, бездействие, скука, отсутствие жены, а самое главное...

– Зверски курить хочется, – пожаловался он. – Леш, стрельни у кого-нибудь папироску или хоть махорки достань, вот увидишь, я сразу поправлюсь.

Алексей потрепал друга по голове, взъерошив его черные волосы:

– Я похож на самоубийцу? Стоит тебе закурить, и сюда ворвется военврач Лежнёва с автоматом в руках и мигом поставит нас обоих к стенке.

– Что ж, умереть от руки красивой женщины не зазорно.

– А она действительно красивая? – заинтересовался Алексей.

– Леш, ты не поверишь – высший класс! – Вазген оживился, заметив реакцию Вересова. – Я от нечего делать все детально рассмотрел. Красотка, брат, это я тебе как знаток говорю. Но на контакт не идет. Скрывается – халат мешком, очки страшные, колпак. Только меня не проведешь, я красивую женщину за милю вижу.

– Хорошо, что Настя тебя не слышит. Знала бы, с кем связалась.

– Жена – это святое. Да ведь я не для себя стараюсь. Я произвел разведку боем, а в атаку идти тебе.

– Ты же знаешь, я не люблю властных женщин.

– Это маскировка, броня, если хочешь. Не представляю, зачем это ей. Ты приглядишься к ней, брат, она настоящая, понимаешь, настоящая, как Настя, я это чувствую, такие женщины редко встречаются, так что иди и дерзай.

– Ладно, уговорил. Я ее вчера оскорбил, кажется, – надо бы извиниться.

– Ты? Оскорбил женщину?! Ушам своим не верю! Леша, ты явно переутомился.

– Зайду проведаю ребят, потом к ней, а после вернусь, ты пока вздремни немного.

Он поговорил со своими матросами; состояние их было удовлетворительное, настроение – хорошее.

В ординаторской Лежнёвой не оказалось. Алексей обнаружил ее в противоположном конце коридора, в маленьком кабинете. Лежнёва сидела за столом, в изнеможении уронив голову на руки, и, по всей видимости, спала. Белый колпак свалился с ее головы, собранные в узел волосы распустились; роскошные каштановые, вьющиеся и блестящие, они рассыпались по спине и плечам. Рядом, на краешке стола, лежали очки.

Стук захлопнувшейся двери разбудил Лежнёву; она с протяжным вздохом пошевелилась и столкнула локтем очки на пол. Алексей подобрал очки, вложил в нагрудный карман своего кителя и стоял перед ней, ожидая, когда она обратит на него взор пронзительно-синих глаз. Это не замедлило случиться: Лежнёва вскочила и стала поспешно нахлобучивать на голову колпак, второпях надела криво, кое-как запихала под него волосы, однако две длинные пряди свисали ей на плечо. Алексей собственноручно заправил непокорные пряди под колпак.

– Что вы делаете? – растерянно спросила она.

– Помогаю вам прятать такую красоту. Да, надо еще надеть очки. Непростительно выставлять напоказ такие чудесные глаза.

– Да-да, очки, где же мои очки? – Она принялась шарить руками по столу, опрокинув при этом несколько предметов. – Не могу найти. Помогите же мне, я плохо вижу.

– Они у меня в нагрудном кармане.

– Так давайте же их сюда скорей!

– Возьмите сами.

– Товарищ Вересов, немедленно прекратите свои глупые шутки! Сейчас же верните очки!

– И не подумаю. Они перед вами. Вам стоит только протянуть руку.

– Ах так? Отчего вы все время насмехаетесь надо мной и пытаетесь оскорбить?

– Я прошу прощения за то, что обидел вас вчера. Но ведь и вы не выказывали мне особой благосклонности.

– А почему я должна ее выказывать? Ваша репутация всем известна: вы – герой на море и прожженный волокита на суше!

– Ну вот: кто кого оскорбляет? Нет, теперь я решительно отказываюсь вернуть вам очки. Я требую компенсации за моральный ущерб.

Говоря это, он надвигался на нее; она пятилась с потерянным выражением на замечательно красивом лице. Скоро отступить ей стало некуда.

– Не подходите ко мне, – взмолилась она и уперлась ему рукою в грудь.

Он обнял ее и крепко поцеловал в румяные губы.

– Вот теперь я удовлетворен, – сказал он и надел на нее очки. – Сейчас вы меня хорошо видите?

Она завороченно смотрела на него, но ничего не видела, кроме золотых язычков пламени, играющих в его глазах. Потом медленно обошла Алексея, не сводя с него взгляда, подошла к двери и заперла ее на ключ.

– Что вы делаете? – в свою очередь удивился он.

– Сейчас узнаете.

– Черт возьми, да это настоящая подсечка! Вы часто заваливаете мужчин на диван?

– Первый раз. А что, вам не нравится? Сами напросились.

– Постойте, так вы сорвете все пуговицы с кителя.

– Ничего, я их пришью.

– Осторожно, товарищ Лежнёва, вы меня задушите.

– Не беда, реанимация рядом.

– Это насилие, я подам рапорт командованию.

– Не нарывались бы, товарищ Вересов. Теперь вам никто не поможет.

– Силы небесные! Как вы прекрасны, доктор!

– Вы тоже ничего, мой командир.

Глава 3

2008 год

Мы стоим на краю ущелья с отвесными склонами; оно такое глубокое, что страшно смотреть вниз. По дну каньона извивается быстрая горная река Азат, к руслу ее вплотную подступают розовые скалистые отроги Гегамского хребта.

Река огибает треугольный мыс, на котором стоит храм Гарни, и скачет дальше по камням меж влажных берегов с тучной почвой, захваченной корнями фруктовых деревьев и кустарников.

Храм Гарни – маленький Парфенон среди армянских гор, но, в отличие от большого собрата, полностью восстановленный в советское время из подлинных уцелевших фрагментов и новых, изготовленных из базальта взамен недостающих.

Я-то вижу храм не впервые, а Женю он поразил со всей очевидностью – мне приятно наблюдать его неподдельный интерес, я не без гордости чувствую свою причастность к народу с древней историей.

Три невероятных дня, наполненные любовью, насыщенные событиями, встречами, совместными прогулками по красивейшим местам, – теперь я смогу растолковать любому, что такое счастье, можете обращаться, если вас еще не коснулась эта божественная субстанция. Я готова выделить толику своих переживаний, всего выразить не смогу, нет у меня такой возможности. Уж если Омар Хайям признал «...как много я б сказал и как мой нем язык!», то чего ждать от меня.

По ночам мы чинно расходимся по своим комнаткам, но как только становится ясно, что домочадцы уснули, я заползаю к Жене в постель, подобно гадюке в брачный период, и обвиваюсь вокруг него с проворством самой резвой особи.

Вчера на рассвете нас чуть не накрыли. Накануне родственники предупредили о том, что утром нам придется встать ни свет ни заря, чтобы ехать на одну из вершин Арагаца. Сурену Акоповичу вздумалось во что бы то ни стало угостить нас хашем. Хаш едят очень горячим, в основном зимой, подают его на углях, чтобы не остывал, в чем мы имели возможность убедиться. А на вершине Арагаца всегда холодно – там летом лежит снег, а на берегу круглого озерца, заполнившего жерло остывшего вулкана, расположился ресторан, где можно отведать знаменитое армянское блюдо. Это важная народная традиция, есть вместе хаш – признак родства, доверия и уважения.

Отказываться нельзя, я сразу объяснила Жене, что мои родственники воспримут это как неуважение. О том, что могут воспринять как нежелание породниться, я промолчала. Женя пока такого намерения не выказывал, не набиваться же самой?

О будущем мы пока не говорим; я догадываюсь, что Женя не меньше меня боится спугнуть очарование этих дней, их яркую незамутненность, искренность, восстановленное доверие.

Забегая вперед, скажу, что поездка на вершину горы получилась незабываемой – мы оделись тепло, как для горнолыжного курорта, и сидели в беседке на берегу мерцающего ледяной водой озера с заснеженными берегами. Хаш подавали в больших глиняных чашах, стоящих на подставках с тлеющими углями. Пришлось пить водку, так полагается для лучшего переваривания тяжелой пищи, какой является наваристый хаш. Мы отлично провели время. Солнце, горы, снег, теплая компания и вкуснейшая еда. Нам с Женей настолько понравился хаш, что мы решили непременно в Питере сварить такой же, как только ударят морозы.

Но я о том, что случилось утром, когда родственники чуть не застукали меня в постели с мужчиной.

Несмотря на предупреждение о поездке, мы с Женей безмятежно проспали время сбора. Лежали по привычке в обнимку, забывшись в крепком утреннем сне, запутавшись в просты-

нях, в то время как наивный дядя Сурен, стесняясь постучать в мою дверь, решил разбудить своего русского гостя.

Сквозь сон я слышу, как кто-то энергично стучит в дверь, затем голос дядюшки:

– Жень, спишь? Вставай, ехать пора. Слышишь? Отзовись!

Дверная ручка начинает нерешительно поворачиваться. Кошмар! Мы ведь дверь не заперли, да и нечем, там только защелка, в этом доме не то что внутренние двери не принято запирать, но и входные у всех нараспашку. Я делаю бросок через Женю на пол и моментально втискиваюсь под кровать.

– Лежи, не вставай, – дурным шепотом сиплю из своего убежища.

Женья притворяется спящим, а я плинтусом, так как кровать стоит одним боком у стены. Повезло, что я не толстушка, обязательно застряла бы на входе.

Вам приходилось когда-нибудь лежать на полу под кроватью, причем практически без всякой одежды? Чаше любовники сидят в шкафу, но и этот вариант не лучше.

В таких ситуациях неизменно срабатывает закон подлости, как будто кто-то специально пишет сценарий про размазню, которой не везет. Давно убедилась, что подставы случаются не только в кино. Пока дядя и Женья разговаривают, а я лежу без дыхания, почти упираясь носом в кроватные пружины, совсем рядом слышу какой-то не то треск, не то щелчок, слегка поворачиваю голову и вижу чьи-то круглые зеленые глаза, глядящие на меня в упор, но с некоторой отрешенностью, как смотрит убийца-психопат, склонный к философии. У чудовища длинная шея, на ней сидит треугольная голова с клювом и с двумя шевелящимися усиками между глаз, на груди сложены чинно лапы, до ужаса напоминающие косу, с какой ходит смерть, да еще с острыми зубинами.

Я цепенею от ужаса! Ничего подобного я никогда не видела. Зеленое пучеглазое страшное лицо из триллеров про инопланетян или робот-убийца!

Вон она – кара за разврат! За ночные безумства с Женей в благочестивом доме!

Я бы завопила во все горло, но оно словно сдавлено обручем, а хитиновый монстр продолжает меня спокойно разглядывать, словно примеривается, в какое место засадить свои шипы, венчающие огромные конечности.

К счастью, дядя Сурен оказался на сей раз немногословен.

– Буди Катю, и спускайтесь скорей, все уже в сборе, ждем только вас, – говорит он и выходит из комнаты.

Я лежу ни жива ни мертва – буквально, – не могу ни вскрикнуть, ни пошевелиться. Женья, видя, что я не отзываюсь на предложения вылезти из-под кровати, вытягивает меня оттуда волоком. В объятиях любимого, вдали от зеленого кошмара, ко мне возвращается способность двигаться. Мне некогда описывать Жене хоррор, таящийся в прикроватной тьме, я вырываюсь, визжу что есть мочи, хватаю простыню и, кое-как в нее завернувшись, кидаюсь в свою комнату, захлопываю дверь и стою за ней, стуча зубами.

Мой визг вызвал переполох: на лестнице слышен топот множества ног. Теперь я влипла по-крупному. Мозги наконец срабатывают, я накидываю халат, влезаю в тапочки и открываю дверь перед встревоженными родственниками.

– Что случилось, Катя, да на тебе лица нет! Кто тебя обидел? – забрасывают меня вопросами.

– Я зашла разбудить Женю, а там кто-то страшный забежал под кровать. Жуть несусветная! – выворачиваюсь кое-как.

Мужчины не робкого десятка, не раздумывая, отодвигают кровать. Смотрят на того, кто там сидит, и смеются. Надо мной.

– Это богомол, – сообщает Аршак. – Они иногда забираются в дом. Вот дурашка, погибнет ведь. Надо отнести его в сад.

Богомол огромный, немудрено, что показался мне страшилищем, я вообще насекомых панически боюсь, а этого и насекомым-то не назовешь – около восьми сантиметров ростом, потому что стоит он на задних ногах, как человек. Да еще вдруг голову повернул, кинул мне на прощание задумчивый взгляд. Насекомое?! Жалеет небось, что не съел.

Хорошо, хоть не разговаривает, теперь у нас есть одна общая маленькая тайна. Судя по размерам, это девочка, объясняют мне, теперь я даже чувствую к ней какую-то симпатию.

С большими предосторожностями прищелицу отлавливают и уносят в сад. Мне объясняют, что каждого богомола надо беречь, вид занесен в Красную книгу, кроме того, богомол очень полезен для садоводов, потому что уничтожает вредных для урожая насекомых. Вот оно как: здешний сад – обиталище монстров – сверчков, богомолов и прочих незнакомцев, перед которыми полагается снимать шляпу.

А сегодня, едва вернувшись из путешествия по крутым тропам, еще исполненные величием храмов, красотой горных ущелий, ощущением единения с природой и друг с другом, мы понимаем, что хваленое счастье показало нам спину гораздо раньше самых скептических прогнозов.

– Катенька, жаль, вы разминулись с товарищем, – радостно возвещает бабушка. – Ушел всего час назад. Я уж его и так и этак уговаривала вас дождаться. Сказал, завтра придет. Я дала ему номер нашего домашнего телефона.

– Какой товарищ? – не понимаю я.

– Валера его зовут. Сказал, что вы вместе прилетели. Как тебе не стыдно, Катя? Надо было его у нас поселить, зачем платить лишнее за гостиницу? Место бы нашлось. Зря ты постеснялась к нам друга пригласить.

Я по-прежнему не въезжаю в ситуацию. Какой Валера, черт возьми? Вместе прилетели?!

У Жени не менее озадаченный вид.

– У тебя есть знакомый Валера? – спрашиваю.

– Ну, если покопаться в памяти, то, возможно, найдется. Но здесь, в Ереване, в доме твоих родных!.. Хм... Припомни лучше своих друзей... – Он вдруг мрачнеет. – Особенно того, кто знает, где живут твои родственники. Вряд ли это случайный человек.

Неожиданно в разговор вмешивается кузен Аршак:

– Скользкий он какой-то, этот ваш Валера. В глаза не смотрит, рука при пожатии вялая, с нами два слова не сказал, за стол не сел, все что-то с бабулей шептался.

Бабушка сидит в своем кресле под грушевым деревом, это ее любимое место; там же белеет круглый садовый столик; по вечерам, когда старшие ложатся спать, здесь хорошо пить чай и болтать на разные темы с Аршаком и Нушиком в пахучем лиственном полумраке, под мистическое пение сверчка. Накануне, после случая с богомолем, я выслеживала неуловимую тварь с фонариком, перевернула всю траву, но тщетно, звук есть, а скрипача нет, говорят, что наружности он безобразной – черный, голенастый, с двумя торчащими, словно концы фрака, жалами позади брюшка. Брр!

Порой прекрасное рядится в нелепое обличье...

Теперь-то я стала относиться к внешности прищельцев из зеленого мира гораздо терпимее. Свою набожную сообщницу тоже не нашла, хотелось поздороваться, я бы ее на сей раз не испугалась.

Но кто же кроется под обличьем Валеры? Станный визит. Я прошу Аршака подробнее описать посетителя, кое-что добавляет сестра Нушик, и постепенно, к моему несказанному ужасу, я получаю детальный портрет Даниила, этого мерзавца, с которым имела несчастье встречаться и рассталась незадолго до знакомства с Женей. К сожалению, совершенно избавиться от его общества невозможно, так как мы работаем с ним в одной редакции. Именно он устроил подлянку: сообщил Жене о том, что я журналистка, которая пытается влезть в чужую

семью и выудить скандальные сведения об ордене. Я думала, что Даниил вполне удовлетворился своим гадким поступком, утешил оскорбленное самолюбие брошенного любовника, но теперь вижу, что ошибалась.

– Это Данька, – сообщаю Жене. – Сомнений нет. Только что ему нужно, не пойму, зачем он явился в этот дом?

Из комнаты раздается вскрик бабушки:

– Боже мой! Мои тетради пропали, лежали здесь, на столе. Я их Валере показывала.

Выяснилось, что мнимый Валера разговорил старую женщину – старики любят внимание и охотно рассказывают о своей молодости. Бабушка показала ему дневники, читала из них выдержки, теперь тетради исчезли, и я не сомневаюсь, что Данька их попросту украл.

– Такой обходительный молодой человек! – сокрушается бабушка. – О тебе, Катюша, с большим теплом отзывался, наплел, что для него счастье познакомиться со мной – много хорошего слышал от внучки...

– Я убью его!!! Подонок! Чего он хочет от меня?! – почти визжу я и колочу кулаками по столу.

Женя, вместо того чтобы разделить со мной свалившееся несчастье, стоит в стороне, насупив брови, смотрит мнительно и покусывает свою яркую губу, гад такой, небось ревнует. Ну что еще ждать от мужика? Одни рефлексy, ей-богу, первая реакция – приревновать, а уж потом можно и мозги включить.

Я немедленно иду в наступление:

– Убедился теперь, какой Данька подлец? Ну что? Что ты косишься на меня? Я, по-твоему, виновата, что негодяй решил нажиться на мемуарах фронтовички?

Неужели не ясно, сколько бед он принес одним махом: мне нагадил, думает, что статью завалил, раздор между нами посеял, потом втихаря сам как-нибудь использует дневники. Он в журналистике профессионал, ему это раз плюнуть.

В глазах ревнивца занимается искра разума. Слава те господи! Хоть одной проблемой станет меньше. Вторая – где искать проклятого Даньку? Он вполне может дать деру сегодня же ночью – сядет в самолет, и ищи-свищи вора. Мчаться же за ним обратно в Питер ой как не хочется, мы только начали входить во вкус горячего ереванского августа; горожане жалуются на жару, а мы так соскучились по солнцу в чистом небе, где неистребимая голубизна поглощает любое невпад забредшее в эти края облачко. Гуляй себе в легких платьицах, сарафанчиках, майках с шортами, наслаждайся теплом сутки напролет. Ночью можно в обнимку заснуть обнаженными после любовных ласк, не опасаясь, что влажная кожа остынет в теряющем напряжение воздухе.

От этих мыслей мне хочется завить. Мой парень тем временем окончательно увяз в раздумьях, – неужели найдет какой-то выход?

– Надо обзвонить все гостиницы, – жестко постановляет он. – Если повезет, перехватим Даниила здесь, а нет, так в Питере он от меня не уйдет!

Вот это да! Не сойти мне с этого места, если в нем сейчас не проснулся его дед. Глаза так и полыхнули холодом. Однажды мне довелось видеть его таким – когда дрался на набережной Фонтанки с хулиганами. Скажу, что Даньке сильно не повезло: рука у Женечки тяжелая, помню, как валил наземь тех амбалов с одного удара. Конечно, рукоприкладства лучше не допускать, но я бы и сама набила Даньке физиономию с превеликим удовольствием.

Весь следующий день посвящен поискам. Я звоню в Петербург, своему редактору. Как я и предполагала, Даниила нет в городе, он якобы взял неделю отпуска и отбыл на остров Пхукет. Судя по всему, выбрал то, о чем потом легче врать, так как ездил в Таиланд год назад.

– Жаль, не на остров Комодо, – бурчу в трубку. – Была бы надежда, что его сожрут вараны.

– Что ты сказала, Катенька? – удивленно переспрашивает редактор.

– Так, ничего, мечты вслух.

Не могу же я пока утверждать, что Данька в Ереване. Не пойман – не вор. Как бы ни была я уверена в его причастности к краже, надо поймать негодяя за руку.

Аршак старается для нас: с утра прибывают его друзья, все строго одеты – в рубашки, брюки, закрытые туфли; меня удивляет такая манера ереванцев одеваться в сорокаградусную жару – даже в то время, когда они не на работе.

Парни рассаживаются за круглым столом в саду и по-деловому обсуждают план действий. Женя тоже принимает участие в разговоре. Ребята из вежливости стараются говорить по-русски, и, надо признать, не у всех это хорошо получается. Иногда они увлекаются и переходят на родной язык, так им намного легче, говорят громко, эмоционально, энергично жестикулируя.

Бабушка тоже не скучает, к ней пришла подруга из соседнего дома, Арев-тати, так ее все зовут – «тати» означает «бабушка», – старушке поменьше лет, чем бабе Насте, всего-то восемьдесят два, она подслеповата, ходит с палкой и много курит. За то время, что я здесь, без сигаретки ее не видела. Самое удивительное, что в доме у нее одни некурящие – сын, невестка и даже взрослые внуки, но все молчат из уважения к старости. В Армении почтительно относятся к старшим.

Арев-тати располагается рядом с нашей бабушкой за садовым столиком и начинает обстоятельно пересказывать утреннюю программу о здоровье, нещадно пыхтя сигаретой. Передачи о здоровье она внимательно смотрит каждый день, после чего донимает всех инструкциями, что надо есть, какие продукты покупать, на каких простынях спать. Благодаря ей я узнала, что в душевой лейке содержится масса микробов, посуду надо мыть только хозяйственным мылом, занавески в ванной – страшнейшее зло, и еще массу ненужных сведений, которыми телевидение забивает мозги доверчивых пенсионерок.

Покончив со здоровьем, Арев-тати переходит к политике. В этом она большой знаток без всяких советов извне. Поначалу следует углубленный анализ личностных качеств известных политических фигур с применением крепких колоритных армянских выражений. Затем Арев-тати сообщает, что по всем признакам надвигается мировой экономический кризис.

– Надо купить несколько килограммов масла и положить в морозильник, как считаешь Настя-джан?

– Ох, Арев, можно, но надолго не запасешься, – покорно вздыхает бабушка. Она предпочитает не спорить с подружкой.

– Эти негодяи все равно не дадут нам жить спокойно, – авторитетно констатирует Арев-тати.

Для Арев кто бы ни стоял у власти – заведомо негодяй. Убеждения у нее твердые, независимые, выше любых обстоятельств.

Как-то, во время президентских выборов, у нее испортился телевизор – в тот момент, когда она приготовилась смотреть очередную серию нескончаемой бразильской мелодрамы. Дома как раз собралась компания серьезных ответственных мужчин, друзей ее сына. Все они представляли избирательный штаб действующего президента.

Что тут началось! Любой стихийный бунт померк бы перед неистовым возмущением старушки, оставшейся без дневной порции сериала.

За поломку телевизора досталось всем – детям, их друзьям, внукам, производителям, властям. Когда Арев-тати взялась громогласно поносить президента, нервы у серьезных мужчин не выдержали, они попрыгали в свои штабные джипы и ринулись в ближайший магазин электротехники. Через десять минут перед бабушкой Арев стоял новехонький телевизор. Сериал, слава богу, только начался, и в доме воцарились спокойствие, тишина и мирные клубы сигаретного дыма.

С нами соседка тоже не особо церемонится.

– Ай ахчи! – кричит она мне. – Ну-ка марш в дом и смени юбку! Куда смотрит твой парень? Анамот! Мужики кругом, а она раздетая ходит.

– Что такое «ахчи»? – спрашивает Женя. – И «анамот»?

– Девочка, девушка. «Анамот» – бесстыжая. – Я лукаво улыбаюсь.

Женя внимательно изучает мою юбку. Потом смотрит на наших мальчиков.

– В чем-то она, пожалуй, права, – с расстановкой произносит он, – иди-ка переоденься.

Ну разве не прелесть эта бабушка Арев? Заставила Женьку ревновать!

Я вприпрыжку бегу в дом и меняю короткую юбку на широкую, из воздушного шифона, доходящую до колен, нежно-голубую, как незабудка. Женечка-то ничего не выиграл, новая юбка идет мне как никакая другая. Женская одежда, скрывающая многое, коварная ловушка для мужчины, чем больше ткани, тем надежнее расставленные силки. Какое глупое заблуждение, что, прикрывшись, женщина становится менее соблазнительной.

Порхаю по ступенькам, небрежно помахивая сумочкой, и вижу, что все сделала правильно: у Жени взгляд собственника превратился в раздевающий, так что главное не одежда, а нравитесь ли вы мужчине. Я нашла для себя подтверждение, и настроение у меня подскакивает до самой высокой планки.

Однако нельзя забывать о делах, тем более столь важных, как розыск Даниила и бабушкиных дневников.

Мы снова забираемся в малолитражку дяди Сурена, остальные парни набиваются в белую «ниву», как сердитые пчелы в улей; мальчики настроены воинственно – «нива» лихо уносится вперед, визжа тормозами на поворотах дороги, спускающейся петлями с Канакерского холма к центру города, туда, где кипит жизнь.

На Женю Ереван, в отличие от загородных памятников армянского зодчества, не произвел особого впечатления – город с советской основой и современными новостройками, сказал он. Из старинных сооружений сохранилось несколько церквей, центр застраивается безликими высотками; немногочисленные скверы истребляются растущими как грибы ресторанами и кафе; в начале девяностых из-за перестроечного кризиса и экономического спада, когда в республике не было ни газа, ни электричества, люди, чтобы обогреться, рубили деревья прямо в городских парках, особенно пострадал лес вокруг телебашни на холме Норк-Мараш, холм теперь голый, деревья заново не высадили, оттого в Ереване участились пыльные бури. Я обещала показать Жене изумительные хвойные леса в Дилижане, месте рождения дедушки Вазгена, но и там нас ждало плачевное зрелище: словно острая гребенка прошла по лесу, прореживая заросли и оставляя голые пни.

Капитализм не пошел на пользу стране, а лишь пополнил чьи-то карманы, но ереванцы, несмотря ни на что, любят свой город. Я тоже люблю Ереван – особенно за то, что можно бродить по нему всю жаркую летнюю ночь, наслаждаясь чувством свободы и безопасности, по улицам и площадям с поющими фонтанами; здесь, как в любом городе, есть свой дух, известный коренным жителям. Мне тоже доступна эта неповторимая аура Еревана, но Жене ее не понять – он петербуржец до мозга костей, уроженец прекраснейшего города с множеством противоречий.

Я многое наметила – поездку к моему любимому озеру Севан, в центр Армянской апостольской церкви Эчмиадзин, хочется побродить в стенах горных средневековых монастырей и крепостей, какие только успеем посмотреть.

Но главное, самое важное место, куда мне хочется сводить Женю, – к морскому памятнику на центральном кладбище. Когда-то бабушка привезла цинковый гроб с дальневосточной военно-морской базы, чтобы муж ее упокоился на родной земле, там, куда всю жизнь стремилась его душа. Правительство выделило военный транспортный самолет, что позволило привезти также обелиск, сделанный руками сослуживцев. На вершине его – маяк, по бокам – якорные цепи. Был еще крейсер у подножия памятника, но его оторвали и утащили вандалы;

наверное, сдали в металлолом, а гроши пропили. Какое им дело до незнакомого офицера, но маяк стоит, как тот, Осиновецкий, тысячи раз обстрелянный, изрытый воронками от снарядов, спасший немало жизней и судов во мгле и в бурю.

Глава 4

1942 год

Смулов часто бывал на кораблях флотилии и нередко отправлялся с ними на боевые задания, при этом не упускал ни малейшей возможности, чтобы лишний раз оказаться в плавании с Алексеем. Он находился на катере Вересова, когда на пароход «Никулясы», который вел за собой две баржи, напало восемь бомбардировщиков. Судно принадлежало речному пароходству, команда в основном состояла из женщин. Раненая радистка перед смертью успела сообщить в порт о бедственном положении парохода. На помощь вышли «морские охотники». Фашистов обстреляли и прогнали, после чего с парохода началась эвакуация выживших.

Вид убитых и раненых молодых женщин, которые делали то, что должны были делать мужчины – носились на утлых суденышках по бурным водам Ладоги, перевозили грузы, управляли судами, в шторм заводи́ли швартовы, погибали под бомбами на трассе, – подействовал на Смулова как шок. Он в который раз тягостно задумался о своем месте на войне; его мучило сознание того, что он делает что-то неправильно, что тщеславие, личные амбиции и расчеты с самого начала увлекли его по ложному пути. Не в силах самостоятельно справиться с терзавшими его сомнениями, он обратился за помощью к Алексею:

– Объясни мне, почему ты с первой нашей встречи не одобрял моей службы?

– А ты сам не понимаешь?

– Нет, не понимаю! Мою работу поручило мне командование, ее одобряет партия и правительство и даже сам товарищ Сталин. Что в ней плохого? Она необходима так же, как и твоя. Тебе не приходилось видеть того, что видел я: предателей, отступников, дезертиров. Поверь, их намного больше, чем ты можешь себе представить.

– Я не спору, что ты делаешь нужное дело, но любая деятельность накладывает на человека отпечаток. Не хочется напоминать, но ты пытался использовать свое служебное положение в личных целях. Скажи, что я не прав. Я не хочу, чтобы ты этим занимался, Кирилл. Вспомни, что ты – офицер Военно-Морского флота. Нас готовили как капитанов, воинов, командиров. Выслеживание, подслушивание, подозрение роняет честь мундира морского офицера. Езжай в Москву, подай рапорт и просись сюда, на Ладогу, на военный корабль. К отцу обратись – он поможет.

– Теперь поздно, кто мне доверит корабль?

– Учись, ты ведь много времени проводишь на кораблях, присматривайся, запоминай, нет лучшей практики, чем в бою. Корабль тебе сразу, конечно, не доверят, послужишь поначалу в другом качестве, но со временем, если проявишь себя, можешь стать и командиром.

Смулов последовал совету Алексея и уехал в Москву.

* * *

Обстановка на озере была тяжелая. Боевые столкновения происходили ежедневно. Теперь вдобавок к бомбежкам активизировались вражеские корабли. Объединенная финско-немецко-итальянская флотилия всеми силами старалась помешать эвакуации населения из Ленинграда.

Несколько «морских охотников», в том числе катер Вересова, выдержали бешеный по накалу бой у острова Верккосари с самолетами и кораблями противника одновременно, при этом нанесли врагу изрядный урон. Итальянские торпедные катера охотились на баржи, занятые перевозкой, и сопровождающие их военные суда.

Случалось, «морские охотники», попавшие в кольцо окружения десантных барж и сторожевых катеров противника, гибли вместе со всем экипажем.

Настя добиралась до Новой Ладogi на попутных судах, нередко вместе с эвакуируемыми. Суда постоянно подвергались нападению с воздуха. Однажды на баржу, где было много жителей Ленинграда, напали два «мессершмитта». На глазах у Насти падали на палубу убитые матери с детьми. Одна женщина с младенцем на руках, выпрямившись во весь рост, махала летчику платком, давая понять, что на барже женщины и дети. Летчик хладнокровно прошёл её и ребенка пулеметной очередью.

После таких путешествий Насте стоило больших усилий не обнаружить перед неокрепшим мужем своего ужаса и горя.

Алексей давно не появлялся – стычки с осмелевшими кораблями противника и ожесточенные бои становились все более частыми. Вазген хандрил, томился и рвался в море.

Когда Алексей наконец появился в госпитале, на его груди поблескивал орден Красного Знамени.

– Поздравляю! – Вазген попытался его обнять. – Ты меня обскакал. Сил больше нет лежать, пока другие воюют. Недели две еще, наверное, проваляюсь. Надо было так влипнуть! Как твои ребята?

– Завтра их выписывают. Они хотят лично выразить тебе благодарность за спасение.

– Это единственное, что меня примиряет с пребыванием здесь. Слушай, что ты сделал с Лежнёвой? Она ко мне ластится, о тебе расспрашивала.

– Спроси лучше, что она сделала со мной. Но какая женщина! Кстати, как ее зовут? Она меня так безжалостно выставила, что я даже не успел узнать ее имя.

– Зато твое она теперь знает. У нее какое-то необычное имя, из греческой мифологии, то ли Афродита, то ли Афина, я мельком слышал, сейчас не вспомню.

– Ей бы подошли оба. Воинственная красавица. Ладно, сам узнаю. Как Настя?

– Хорошо. Вчера была у меня. Эта история со Смуровым не дает мне покоя. Настя говорит, что давно его не видела, но кто поймет женщин?

– Не смей сомневаться в Насте! Смуров уехал в Ленинград, она правду сказала. Если бы ты знал, какая необыкновенная у тебя жена! Ведь это она спасла тебя от смерти.

– Настя? Каким образом?

– Когда-нибудь расскажу. Это долгая история. А сейчас пойду улаживать собственные сердечные дела.

Против ожиданий, Лежнёва встретила Алексея неприветливо.

– А, это вы, – черствым голосом произнесла она, столкнувшись с ним в коридоре.

Однако Алексей был не из тех, кого легко смутить:

– Вы как будто мне не рады. Помнится, в прошлую нашу встречу я вызывал в вас более положительные эмоции.

Лежнёва высокомерно подняла крутую бровь:

– Я сожалею о том, что произошло. Забудьте об этом и никогда не вспоминайте. Это был минутный порыв.

– Зачем же вы расспрашивали обо мне Арояна, узнавали, как меня зовут? – не унимался Алексей.

– Легкомыслие вашего друга меня не удивляет. Сами знаете – с кем поведешься, от того и наберешься! – последовал холодный ответ.

– И все же позвольте узнать ваше имя.

– Меня зовут Ариадна Сергеевна, если вам так уж необходимо.

На этом она попыталась закончить беседу и сделала попытку двинуться дальше по коридору, придав лицу казенно-надменное выражение, но Алексей встал у нее на пути:

– А, так это вы помогли Тесею прикончить вашего ближайшего родственника? Это как раз в вашем духе.

– Ваша эрудиция делает вам честь, Алексей Иванович, но позвольте напомнить, что Ариадна не принимала участия в убийстве Минотавра, она лишь помогла Тесею выбраться из лабиринта.

– Тогда помогите и мне выбраться из лабиринта, в который сами же меня заманили. Подарите мне вашу спасительную нить.

– Уберите руки, товарищ Вересов. Нас могут увидеть. Не стану я вас спасать. Вам там самое место! Где вы пропадали все это время? Не сомневаюсь, что гонялись за юбками.

– Я гонялся за фашистами, доказательством тому орден, который вы упорно не хотите замечать.

Она бросила косой взгляд на орден и отвернулась, все еще пытаясь Алексея обойти. Тот и не думал ее отпускать, он продолжал шутливо оправдываться: еще одним доказательством его невиновности мог служить тот факт, что в госпитале находится Вазген, его лучший друг. Не видеться с ним длительное время Алексею крайне тяжело, и раз он долго не приходил, значит, на то были веские причины.

– Смените же гнев на милость, прекрасная Ариадна.

– Ариадна Сергеевна, для вас – только так, и не называйте меня иначе!

– Не слишком ли официально?

– Ничуть. Обращение по имени-отчеству изначально содержит в себе элемент уважения.

А я требую к себе уважения!

– Смею заверить, что я испытываю к вам чувства гораздо более глубокие, чем уважение.

– Повторяю, уберите руки. Ваши чары на меня больше не действуют.

– Тогда отчего вы так дышите? Вы запыхались? И щеки у вас что-то покраснелись. Вам нехорошо, Ариадна Сергеевна?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.